

На правах рукописи

Болт Валентина Сергеевна

**ИСТОРИЯ РУССКОГО ОККУПАЦИОННОГО
КОРПУСА ВО ФРАНЦИИ 1815–1818 ГГ.:
ПРАВОВОЙ И ВОЕННО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история (новое и новейшее время)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2021

Работа выполнена в лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» отдела Новой и Новейшей истории Института всеобщей истории РАН.

Научный руководитель: **Чудинов Александр Викторович,**
доктор исторических наук

Официальные оппоненты: **Безотосный Виктор Михайлович,**
доктор исторических наук,
заведующий научно-экспозиционным
отделом Государственного историче-
ского музея

Косых Татьяна Анатольевна,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры во-
стоковедения Уральского федераль-
ного университета имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина

Ведущая организация: Федеральное государственное авто-
номное образовательное учреждение высшего образования «Север-
ный (Арктический) федеральный университет имени
М. В. Ломоносова»

Защита состоится «6» декабря 2021 г. в 12 час. на заседании
диссертационного совета 24.1.042.01, созданного на базе Института
всеобщей истории РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский
проспект, д. 32А, (ауд. 1406).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Ин-
ститута всеобщей истории РАН и на сайте www.igh.ru

Автореферат разослан « _____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Тогоева Ольга Игоревна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования. Пребывание во Франции 1815–1818 гг. войск антинаполеоновской коалиции открыло новую страницу в истории войн и международных отношений, став первым примером мирной, послевоенной оккупации на основе норм международного права¹. В течение нескольких лет французским властям и иностранной оккупационной администрации приходилось решать сложнейшие задачи правового, управленческого, бытового характера, отлаживая такую систему взаимодействий, которая обеспечила бы мирное сосуществование многотысячного военного контингента победителей с населением побежденной страны. В состав 150 тыс. оккупационных сил под общим командованием герцога Веллингтона входил и контингент российских военных, насчитывавший около 30 тыс. и находившийся под командованием знаменитого боевого генерала, графа Михаила Семёновича Воронцова.

Режим мирной оккупации и официальный отказ от насилия требовали от обеих сторон значительных усилий по формированию толерантного отношения к «Другому», поскольку мирная оккупация 1815–1818 г. стала периодом массовых контактов в повседневной жизни между представителями разных народов. Изучение истории пребывания на территории Франции русских солдат и офицеров, их ежедневных коммуникативных практик, процесса установления межкультурных связей с местным населением, эволюции их психологических установок и ценностных координат позволяет, с одной стороны, осуществить комплексный подход к исследованию феномена оккупации как опыта межнационального контакта в стрессовой ситуации послевоенного времени, с другой – расширить наши представления об этом специфическом и малоизвестном аспекте истории развития русско-французских связей и эволюции взаимных представлений в ту эпоху, когда рождались многочисленные стереотипные представления этих наций друг о друге, влияющие на их отношения и по сей день.

Кроме того, изучение данной темы представляет определенный практический интерес. В наши дни международным сообществом широко практикуется размещение за рубежом миротворческих воинских контингентов с широким спектром задач. Формально эти войска не имеют статуса оккупационных. В реальности же относительно не-

---

¹ Haynes C. *Our Friends the Enemies. The occupation of France after Napoleon.* Cambridge, 2018. P. 4.

большие по численности подразделения длительное время находятся на территории иных государств, будучи вынуждены адаптироваться к непривычным для себя условиям. В данном отношении опыт корпуса Воронцова позволяет достаточно подробно изучить социальные механизмы, работающие в подобных ситуациях: взаимоотношения мирного населения и солдат, гражданских властей разного уровня и иностранного военного командования, изменения в поведении солдат, дисциплинарные нарушения, преступления, дезертирство.

Хронологические рамки исследования определяются временем существованием оккупационного корпуса: с 4 сентября 1815 г., когда М. С. Воронцов подписал свой первый приказ формирующемуся под его командованием соединению, и до конца 1818 г., когда русские войска отбыли на родину.

Территориальные рамки исследования ограничены российской оккупационной зоной на северо-востоке Франции.

Объект данного исследования - история российского оккупационного корпуса, находившегося на территории Франции в течение трех лет после победы над Наполеоном I.

Предмет исследования – правовой статус и повседневные практики пребывания русских военнослужащих во Франции, их межкультурное взаимодействие с местным населением.

Историография русского оккупационного корпуса или, как он официально именуется в источниках, «отдельного во Франции находящегося корпуса под командованием графа М.С. Воронцова», как и всей оккупации Франции 1815–1818 гг., не слишком обширна и является органичной частью весьма пространной историографии войн между Российской империей и наполеоновской Францией. Работы отечественных авторов, освещающих соответствующие сюжеты, можно условно разделить на несколько групп. К первой отнесем биографические исследования о графе М.С. Воронцове, которые, в частности, содержат и некоторые сведения о подчиненном ему оккупационном корпусе.

Первая из таких работ принадлежит перу М.П. Щербинина², долгое время служившего в канцелярии графа. По своему характеру она представляет собой скорее беллетризованную агиографию Воронцова, нежели сугубо научное исследование. Через тридцать четыре года, другой русский автор В.В. Огарков опубликовал в серии «Жизнь заме-

---

² Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова. СПб., 1858.

чательных людей» небольшое сочинение о наиболее известных представителях семьи Воронцовых³. Михаилу Семеновичу он посвятил три последние главы, но периоду его командования корпусом всего два абзаца. Именно в этих работах впервые были высказаны мысли, которые в дальнейшем получили развитие у других российских авторов: о «простом и добром» отношении командира к сослуживцам, о его стремлении минимизировать конфликты с гражданским населением и о значительном влиянии пребывания во Франции на образ мыслей самого Воронцова и его подчиненных.

На протяжении почти всего XX в. отечественные историки если и затрагивали тему оккупации Франции русскими войсками, то крайне редко и вскользь. В 1994 г. увидела свет монография М.А. Давыдова «Оппозиция Его Величества», в дальнейшем переизданная также в 2005 и 2007 гг. Свою работу автор посвятил нескольким наиболее видным представителям эпохи правления Александра I, одним из которых был М.С. Воронцов. Несмотря на достаточно ограниченную источниковую базу данной работы, в ней впервые российским автором были затронуты некоторые бытовые аспекты пребывания русских солдат во Франции в период оккупации.

В 1995 г. С.В. Самойлова защитила в МГУ кандидатскую диссертацию по теме «Граф М. С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века»⁴. Это исследование примечательно, прежде всего, подробным анализом источников: изучив три личных фонда семьи Воронцовых, диссертантка систематизировала многочисленные дневниковые записи Михаила Семеновича, в частности периода оккупации, а также его служебные бумаги и корреспонденцию. Фактически, автор диссертации работал в русле интеллектуальной истории, а потому обе главы о корпусе были посвящены таким глобальным вопросам, как «состояние умов» французов в период оккупации (правда, она анализирует его исключительно по рапортам двух русских офицеров 1815–1816 гг.) и отношение самого Воронцова к ситуации во Франции. Не ставя перед собой задачи подробно рассматривать социальные или бытовые проблемы, с которыми русские солдаты столкнулись во Франции, С. В. Самойлова лишь обозначила

---

³ Огарков В.В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892. С. 72.

⁴ Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века: дисс. ...канд. ист. наук. М., 1999.

таковые крупными мазками, характеризуя те факторы, что формировали мировоззрение Воронцова в данный период его жизни.

Еще через два года кандидатскую диссертацию по теме «М.С. Воронцов – военный и государственный деятель России первой половины XIX столетия» защитила О.Ю. Захарова. В том же 1997 г. она опубликовала монографию «"Я князь, коль мой сияет дух" – страницы военной биографии генерал-фельдмаршала Светлейшего князя М.С. Воронцова»⁵. О.Ю. Захарова активно обращалась к собраниям документов из фондов семьи Воронцовых, хранящихся в российских архивах. В силу биографического характера своей работы автор обращает внимание, прежде всего, на личное отношение командира корпуса к тем проблемам, с которыми сталкивались российские военнослужащие на оккупированной территории. Тем не менее, сквозь призму личного опыта Воронцова рассматриваются и общие условия пребывания корпуса во Франции: трудности размещения и снабжения, дезертирство, правонарушения в отношении гражданских лиц и другие аспекты. Автор привел также статистические данные потерь личного состава корпуса, подчеркнув, что минимальное количество таковых свидетельствуют об успешности деятельности М.С. Воронцова в качестве командира.

В последующие годы из-под пера О.Ю. Захаровой, защитившей впоследствии докторскую диссертацию, вышло еще несколько работ о разных сторонах биографии М.С. Воронцова⁶, в частности монография «Генерал-фельдмаршал Светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи»⁷ и статья «М.С. Воронцов – командующий Русским оккупационным корпусом во Франции (1815–1818)»⁸, куда вклю-

---

⁵ Захарова О.Ю. М.С. Воронцов – военный и государственный деятель России первой половины XIX столетия: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997; Она же. «Я князь коль мой сияет дух...» Подольск, 1997.

⁶ См. Захарова О.Ю. М.С. Воронцов в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии // Воронцовский сборник. Выпуск 6. М.С. Воронцов и его эпоха: историческая ретроспектива. К 200-летию Бородинского сражения посвящается. Одесса, 2013. С. 35–50; Она же. М.С. Воронцов и Р.Т. Вильсон. От Тильзита до Бородино: история взаимоотношений // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Музей Бородино, 2017. С. 207–218.

⁷ Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001.

⁸ Захарова О.Ю. М.С. Воронцов – командующий Русским оккупационным корпусом во Франции (1815–1818 гг.) // Отечественная война 1812 года: Источники.

чила новые данные из документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) и Отдела письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ).

В 2004 г. российский писатель, один из основателей Воронцовского общества, В.А. Удовик в серии «Жизнь замечательных людей» опубликовал еще одну биографию М.С. Воронцова⁹. Несмотря на то, что книга написана в научно-популярном жанре, глава об истории корпуса содержит достаточно подробный рассказ об участии русских войск в оккупации Франции.

В целом отметим значительные за последние годы достижения отечественных авторов в разработке данной тематики: они ввели в научный оборот ценные источники из целого ряда архивных фондов РГАДА и ОПИ ГИМ. Документы же из Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА) привлекались ими лишь фрагментарно, а из французских архивов не привлекались вовсе.

Ко второй группе работ, так или иначе затрагивавших интересующую нас тематику, отнесем те исследования, где рассматривались различные аспекты оккупации русскими войсками Франции, но достаточного внимания непосредственно корпусу М.С. Воронцова не уделялось. К числу таковых относятся работы, посвященные имагологическому измерению контактов оккупантов и оккупированных. Значение их для настоящего исследования состоит в том, что в них, с одной стороны, раскрывается история формирования взаимных представлений русских и французов в эпоху Наполеоновских войн и оккупации, с другой – содержатся некоторые важные положения методологического характера. В данном контексте наибольший интерес представляют работы российского историка А.В. Гладышева и русско-французской исследовательницы М.В. Губиной, раскрывающие социально-психологический контекст, в котором оказались солдаты к началу оккупации¹⁰.

М.В. Губина в своих работах анализировала представления французов о русских в первой половине XIX в., подразумевая под «русски-

---

Памятники. Проблемы: Материалы XIX Международной научной конференции, 7-9 сентября 2015 г. / Сост. В.Р. Климов. Бородино, 2016. С. 143–161.

⁹ Удовик В.А. Воронцов. М., 2004.

¹⁰ Болт В.С. Русские во Франции 1814–1818 гг.: стереотипы и факты (историографические заметки) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. № 1 (45). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840001355-9-1/> (дата обращения: 04.04.2021).

ми» всех представителей России, присутствовавших тогда во Франции¹¹. Кроме того, на основе официальных документов из французских архивов – отчетов префектов, супрефектов, мэров и др. – М.В. Губина изучила особенности межкультурного взаимодействия русской армии с местным населением в течение всего периода ее нахождения на территории Франции¹². Это позволяет сравнивать поведение солдат оккупационного корпуса и остальной российской армии в схожих условиях.

А.В. Гладышев, обращаясь преимущественно к истории военной оккупации Франции 1814 г., в ряде статей проанализировал образ казака в восприятии французов, видевших в казаках своего рода символ России¹³. В своей обобщающей монографии¹⁴ А.В. Гладышев, исходя из тезиса, что взаимные представления народов – феномены «большой длительности» и что архетипы и стереотипы проявляют порой удивительную устойчивость, обратился к истории формирования образа казака на Западе, начиная с XVIII в.

В плане постановки новых исследовательских вопросов, необходимо отметить статью А.В. Гладышева об изучении феномена оккупации в рамках исследований по военной антропологии¹⁵. Избежать односторонней трактовки восприятия французами оккупационных войск поз-

---

¹¹ См. Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814-1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 153.

¹² См.: Goubina M. La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812–1827. Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université Paris IV. 2007. [Электронный ресурс] URL: http://www.theses.paris-sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frame_s.html (дата обращения: 17.03.2018); Idem. Les vainqueurs et les vaincus : découverte mutuelle: les Russes en France (1814-1818) // Revue des études slaves. Paris, 2012. Т. 83. №. 83. P. 1011–1022; Она же. Russes et Français (1812-1818). Paris, 2017.

¹³ Гладышев А.В. Казаки во Франции 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2014. № 4(45); Он же. Казаки в Море-сюр-Луан или почему нельзя обижать жену мэра // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2015. Вып. 3. С. 10–15; Он же. Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 182–204.

¹⁴ Гладышев А.В. «1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов». М., 2018.

¹⁵ Гладышев А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 10-21; Он же. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. М., 2017. Т. 59. С. 136-151.

воляет работа того же автора о релятивизме «своих» и «чужих» и случаях коллаборационизма¹⁶.

Французская историческая наука на протяжении двух прошедших столетий уделяла гораздо больше внимания теме оккупации 1815–1818 гг., нежели российская.

А. Роже посвятил иностранной оккупации Франции лета-осени 1815 г. свою диссертацию, которая в дальнейшем стала основой для монографии. Эту работу отличает подробный анализ отношений между французским правительством и главами союзных армий после окончательного поражения Наполеона, а также тех дискуссий, которые шли вокруг ближайшего будущего Франции¹⁷. Опираясь на официальные документы и переписку глав союзных государств, автор проанализировал факторы, повлиявшие на содержание заключенного в ноябре 1815 г. мирного договора, в котором были прописаны основные юридические условия предстоящей оккупации.

Ж. Брейяр, французский лингвист, занимался историей русского корпуса во Франции «факультативно», вероятно, поэтому не публиковал каких-либо обобщающих трудов. Однако несколько его научных статей, вышедших не только на французском, но и на русском языке, охватывают достаточно широкий круг вопросов, таких как деятельность Воронцова на посту командира корпуса¹⁸, участие русских офицеров в масонском движении¹⁹, командование Г. Полиньяка Апшеронским пехотным полком²⁰. Автор использовал материалы местных архивов, прежде всего, документы, исходившие от региональных властей.

---

¹⁶ Гладышев А.В. Как французские роялисты-патриоты казаков полюбили // ЭНОЖ «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840009213-3-1/> (дата обращения: 08.01.2021).

¹⁷ Roger A. Occupation de la France par les Alliés en 1815 (juillet-novembre). Châtillon-sur-Seine; Paris, 1924.

¹⁸ Breuillard J. Les Russes envahisseurs et occupants en France (1816-1818): fantasmes et réalités // Slavica Occitania, Toulouse, 1999. Т. 8. Les Russes et l'Orient. P. 67-113; Брейяр Ж. М.С. Воронцов в Мобёже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции, 1816–1818 // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. СПб., 2000. Вып. 6. С. 127-151; Брейяр Ж. О некоторых политических аспектах пребывания русской армии во Франции (1816-1818гг.) // Е. Р. Дашкова. Портрет в контексте истории: (По материалам IX Дашковских чтений, март 2003 г.). М., 2004. С. 102-113.

¹⁹ Breuillard J. La Loge militaire russe de Maubeuge (1817-1818) // Slavica Occitania. Toulouse, 2007. Т. 24. P. 307-342.

²⁰ Breuillard J. Héraclius de Polignac et quelques aspects de l'occupation russe de 1816 à 1818 en France // l'influence française en Russie au XVIII-e siècle. Paris, 2004. P. 437-464.

Перу Ж. Антрэ принадлежит фактически единственная на сегодняшний день обобщающая работа об оккупации Франции русскими войсками, предметом исследования в которой являются не локальные события и биографии отдельных их участников, а антропологический контекст пребывания русских войск во Франции на протяжении всего периода оккупации²¹. Анализируя преимущественно источники из французских архивов, автор предпринял попытку изучить особенности поведения военнослужащих оккупационных войск и выявить психологические факторы, определявшие его. Не обращаясь к статистике, он достаточно подробно осветил тему насилия в отношениях солдат и гражданского населения, детально исследовав отдельные его примеры, что определяет бесспорную информативную ценность его монографии.

Среди других работ зарубежных историков несомненный интерес представляет исследование К. Хэйнс, профессора истории университета Северной Каролины. Ее монография, опубликованная в 2018 г.²², в некотором роде продолжает работу Ж. Антрэ, но в более широких географических рамках. В поле зрения исследовательницы входит вся оккупированная территория. При этом, обозначая языковые и культурные различия между разными частями оккупационной армии, автор сознательно акцентирует внимание на общих социальных проблемах, которые были во многом схожи для солдат, говоривших на разных языках.

Кроме названных обобщающих работ, французская историография включает в себя значительное количество исследований, посвященных отдельным регионам и городам и вводящих в научный оборот обширный пласт документов из местных архивов²³.

---

²¹ Hantraye J. Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris, 2005. Рецензию на книгу см. Гладышев А. В. Вопросы изучения истории оккупации Франции в 1814-1818 гг. и работы Ж. Антрэ // История и историческая память. 2012. №. 6. С. 260-287.

²² Haynes C. Op. cit.

²³ Blancpain M. La vie quotidienne dans la France du Nord sous les occupations (1814-1944). Paris, 1983; Bérard A. Les Invasions de 1814 et de 1815 dans le département de l'Ain. Bourg, 1887; Bruchet M. L'Invasion et l'Occupation du département du Nord par les alliés. 1814-1818. Lille, 1920; Couteau C. L'Esprit public dans l'arrondissement de Douai-Valenciennes de l'avènement de la Première Restauration à la fin de l'occupation (1814-1818). S.p., 2001; Duvivier J. L'occupation étrangère dans la région du Nord de 1816 à 1818. Journal du lieutenant danois Minier // Bulletin de la Commission historique du département du Nord. 1948. T. 36. P. 47-49; Lannoy M. 1815-1818 – L'occupation russe à Valenciennes et Maubeuge // Comptes-Rendus des conférences du Cercle Archéologique et

В целом же, подводя итог обзору историографии темы, нужно констатировать, что история пребывания русского оккупационного корпуса во Франции пока не получила комплексного и всеобъемлющего освещения в научной литературе.

Цель настоящего исследования – изучение истории пребывания российского оккупационного корпуса в 1815–1818 гг. на территории Франции, повседневных практик его личного состава, особенностей межкультурного взаимодействия российских военнослужащих с местным населением, конфликтов между ними и способов предотвращения и преодоления таковых. Для реализации поставленной цели предполагается решить ряд следующих задач:

- Анализ правовых и материальных условий пребывания во Франции русского оккупационного корпуса.
- Изучение повседневных практик военнослужащих русского оккупационного корпуса в период его нахождения на территории Франции.
- Выявление специфики взаимодействия русского командования с центральными и локальными французскими властями.
- Анализ особенностей повседневных взаимоотношений российских солдат с французским гражданским населением.
- Оценка эффективности и результатов диалога между русскими военнослужащими и гражданским населением оккупированных территорий Франции.

Источники. Основную базу источников диссертационной работы составляют неопубликованные или лишь частично введенные в научный оборот архивные документы, хранящиеся в российских (РГВИА, ОПИ ГИМ, РГАДА) и французских (Archives nationales, Archives départementales de la Meuse, Archives départementales du Nord, Archives municipales de Nancy) архивах. В большинстве своем это – официальные документы, хотя используются также и некоторые источники личного происхождения.

Наиболее информативные документы по истории корпуса хранятся в РГВИА, а именно - приказы командира корпуса М. С. Воронцова и начальника штаба корпуса М. И. Понсета, которые содержатся в фондах 16267 (оригиналы) и 474 (микрофильмированные копии). Эти источники позволяют получить детальное представление не только о

Historique de Valenciennes. Avesnes, 2011. Т. 86. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.histoire-valenciennes-cahv.fr/Memoires/index.php/CR-SAHV/article/view/831>. (дата обращения: 03.11.2017).

действиях командования, но и обо всем спектре проблем, с которыми личный состав корпуса сталкивался на протяжении оккупации. Фонд 16235 РГВИА содержит материалы расследований правонарушений, совершенных военнослужащими, и соответствующих судебных процессов. В данном отношении наибольший интерес представляет досье № 74 «Следственные дела, произведенные в отдельном корпусе возвратившемся из Франции, бывшем под командою Господина Генерал Адъютанта Гр. Воронцова с 13 го сентября 1815 го по 28 е января 1819 го».

Столь же многочисленны, но практически не классифицированы, документы по истории корпуса, осевшие в личных фондах семьи Воронцовых. Сегодня они хранятся в РГАДА (фонд № 1261)²⁴ и ОПИ ГИМ (фонд № 60). По своему содержанию они носят преимущественно официальный характер: это – рапорты командиров подразделений, отчетные ведомости по различным вопросам (конduitные списки, интендантские документы и пр.), входящая и исходящая корреспонденция. Оба эти архивных собрания представляют собой несортированные комплексы документов по абсолютно разным вопросам, находившимся в ведении М.С. Воронцова как командира оккупационного корпуса.

Материалы фондов Национального архива Франции, относящиеся к теме настоящей диссертации, ранее были лишь частично введены в научный оборот зарубежными и российскими историками, при том, что довольно значительный круг таких источников оставался вне поля зрения исследователей. Прежде всего, речь идет о серии F7, в которой находятся документы центрального полицейского управления, рассортированные по региональному принципу.

Также в диссертации были использованы материалы фондов 8R архива департамента Мёз²⁵, 8R архива департамента Нор²⁶ и 4Н муниципального архива города Нанси²⁷. Характер этих документов достаточно разнообразен: это и отчеты глав городов и поселений префекту о происшествиях, и документы по вопросам поставок товаров солдатам корпуса, и переписка по административным вопросам между префектами, мэрами и центральным правительством, и еще многое другое.

---

²⁴ См. подробнее Болт В.С. Источники по истории российского Отдельного оккупационного корпуса во Франции 1815–1818 гг.: обзор фондов РГАДА // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 9 (32) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000875-1-1/> (дата обращения: 04.04.2021).

²⁵ Les Archives départementales de la Meuse (Далее ADM – В.Б.)

²⁶ Les Archives départementales du Nord (Далее ADN – В.Б.)

²⁷ Les Archives municipales de Nancy (Далее AMN – В.Б.)

Кроме того, в настоящей работе использованы документы, опубликованные российским археографом П.И. Бартевым в многотомном собрании «Архив князя Воронцова», изданном в 1870–1895 гг. по инициативе сына М.С. Воронцова – С.М. Воронцова²⁸.

В 2015 г. российским историком С.Н. Хомченко был опубликован ценный источник личного характера – дневник полкового священника 41-го егерского полка Е.С. Левитского, находившегося со своей частью во Франции на протяжении всей оккупации²⁹.

Важным источником для настоящей работы стала также пресса, как российская, так и французская. В России заметки об оккупационном корпусе периодически появлялись в еженедельном журнале «Сын Отечества». По своему содержанию они представляли переводы статей, выходивших на страницах европейских изданий. Французские *Journal du département du Pas-de-Calais*, *Journal du département de la Moselle*, *Journal du département de la Marne*, *Journal du département de la Haute-Marne*, *Le Narrateur de la Meuse*, *Journal du département du Nord*, а также центральная газета *Moniteur*, содержат некоторую, хотя и не слишком подробную, информацию об иностранных оккупационных войсках на территории Франции.

Методологическая основа. Представленное исследование базируется на принципах историзма, системности и научной объективности, что предполагает рассмотрение истории русского оккупационного корпуса в общем политическом, социально-экономическом и культурном контексте русско-французских отношений. Методологическая основа работы вобрала в себя как традиционные методы исторического исследования, так и новые, появившиеся в течение последних десятилетий.

В силу того, что событийная история корпуса Воронцова до сих пор изложена лишь в общих чертах, при освещении ее автор диссертации придерживался позитивистской модели исторического исследования, используя методы исторического нарратива и структурного анализа, на которых построена большая часть первой главы. Вторая и третья главы данной работы написаны с использованием методов, применяемых сегодня специалистами по военно-исторической антропологии, цель которой «не только и не столько специализация в исследова-

---

²⁸ Архив князя Воронцова / под ред. П.И. Бартева. Т. 35-40. М., 1889-1895. Подробный анализ сборника см. Ануфриева А.Ю. Архив князя Воронцова: история и состав публикации // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 293.

²⁹ Левитский Е. Дневник полкового священника 41-го егерского полка Евфимия Левитского / ред. С.Н. Хомченко. М., 2015.

нии войн, сколько интеграция знания о них, получаемого различными гуманитарными и общественными науками»³⁰. Соответственно применявшиеся в этой части диссертации методы находятся на пересечении дисциплинарных полей истории, философии и психологии. Речь идет, прежде всего, об исторической герменевтике и теории экзистенциализма. Оба подхода незаменимы при изучении поведения солдат на основе письменных свидетельств. С одной стороны, герменевтический метод позволяет на основании различных языковых конструкций не только констатировать факты как таковые, но и определять заложенный в них неявный смысл. В свою очередь категория «пограничной ситуации», разработанная философами-экзистенциалистами незаменима при изучении мотивов поведения отдельных людей в условиях сильнейшего стресса, каковой создается самой по себе ситуацией иностранной военной оккупации. В совокупности с методом микроисторического анализа эти подходы позволяют максимально подробно исследовать отдельные примеры взаимодействия участников событий. Кроме того, изучая отношения русских солдат и мирного населения Франции нельзя обойтись без методов исторической имагологии. Представления двух наций друг о друге являлись одним из наиболее важных факторов, определявших поведение отдельных их представителей.

Новизна настоящей диссертационной работы определяется тем, что она представляет собой первое в российской историографии комплексное исследование истории пребывания на территории Франции в 1815–1818 гг. русского оккупационного корпуса и осуществлявшихся в ходе оккупации массовых межкультурных контактов между представителями обоих народов.

Апробация исследования. Результаты работы были представлены автором на 12 конференциях международного и всероссийского уровней, а также в 9 статьях, 7 из которых опубликованы в изданиях, входящих в международную базу данных Web of Science. Результаты исследования могут применяться как в рамках системы образования на разных ее ступенях, так и при написании исторических исследований и информационных справочников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Правовой статус оккупационных войск был определен ситуативно из-за отсутствия в начале XIX в. международных правовых до-

---

³⁰ Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 14

кументов, определявших юридическое содержание оккупационного режима. В силу этого режим оккупации 1815–1818 гг. представлял собой уникальный прецедент в истории международного права.

2. Стремление по возможности предотвратить или хотя бы минимизировать конфликты между военнослужащими и гражданским населением являлось общей стратегией командования корпуса и французских властей всех уровней, что определяло готовность обоих сторон идти в случае необходимости на компромисс во избежание коллизий, чреватых далеко идущими последствиями.

3. Правонарушения солдат и гражданского населения по отношению друг к другу носили преимущественно бытовой характер и не являлись следствием взаимной агрессии или межнациональной ненависти.

4. Важным условием предотвращения конфликтных ситуаций было установление максимально возможной степени бытовой обособленности военнослужащих от гражданского населения, что сокращало до минимума число контактов между ними и соответственно уменьшало вероятность возникновения конфликтов.

5. Несмотря на предшествовавший оккупации длительный период военного противостояния между Россией и Францией, наибольшую сложность во взаимоотношениях русских солдат с гражданским населением на оккупированной территории создавала не дихотомия «побежденные и победители», а различия национальных культур и языковые барьеры.

6. Скрамная статистика правонарушений военнослужащих по отношению к гражданскому населению и друг к другу, а также низкий уровень дезертирства свидетельствуют об успешности политики командования корпуса по поддержанию дисциплины личного состава в экстремальной ситуации длительного пребывания в чужой культурно-языковой среде.

Структура представленного диссертационного исследования обусловлена поставленными целью и задачами и состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет, хронологические рамки, даётся оценка степени изученности проблемы (историографический обзор), приводится анализ источников, формулируются цели и задачи, обозначается методологическая база исследования, освещается практическая значимость рабо-

ты и ее научная новизна, а также сообщаются сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава – **«Правовые и материальные аспекты пребывания русского оккупационного корпуса на территории Франции»** – посвящена детальному рассмотрению условий, в которых находился корпус М. С. Воронцова на протяжении всего периода оккупации, и состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе **«Правовой статус оккупационных войск»** проанализировано содержание мирного договора от 20 ноября 1815 г., согласно которому на территории Франции оставалась оккупационная армия. К этому договору прилагалась конвенция с подробным описанием условий содержания оккупационных войск, которых французское правительство обязывалось обеспечивать всем необходимым.

Та поддержка, которую при возвращении Наполеона в 1815 г. ему оказали гражданское население и французские военные, продемонстрировала, сколь слабы позиции восстановленного во Франции правительства Бурбонов. Тем не менее победители связывали достижение желанной стабильности именно с Реставрацией власти Бурбонов, а также с изменениями в системе международных отношений, которые должны были за ней последовать. Формально эти изменения были определены в Парижском мирном договоре, заключенном в ноябре 1815 г. Одной из его статей предусматривалась размещение 150-тысячного военного контингента держав-победителей на севере и северо-востоке Франции. В состав оккупационной армии вошел и 30-тысячный русский корпус под командованием М. С. Воронцова.

Согласно условиям Парижского договора, французское правительство сохраняло суверенитет над временно оккупированной союзниками территорией, а потому на ней предполагалось сосуществование двух разных систем власти: юрисдикция французской администрации распространялась на французских граждан, оккупационная администрация управляла иностранными военнослужащими.

Требования, которые союзное командование могло предъявлять гражданским лицам, ограничивались обеспечением ресурсов для жизнеобеспечения войск, оговоренными в приложенной к мирному договору конвенции: продуктами, фуражом, дровами, зданиями для размещения.

Не передавалась в управление оккупационной армии и государственная собственность. На ряд ее объектов распространялось право ограниченного использования их оккупационными войсками: местные власти должны были предоставить здания для обустройства казарм,

госпиталей, складов для артиллерийских припасов и казенных обозов. Дороги использовались для перемещения войск, и в ряде случаев военные реквизировали у местных жителей подводы. Особый статус имели пограничные крепости, которые «в виде залога» переходили под контроль оккупационной армии. Комендантами в них назначались офицеры союзных войск, а оружие и провиант должно было поставлять местное население. Частная же собственность не передавалась даже в пользование: военные не имели права ходить по полям, ловить рыбу в частных прудах, охотиться в частных лесах.

Во втором параграфе *«Состав и структура оккупационного корпуса»* перечислены подразделения оккупационного корпуса и его командный состав.

Командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант, граф М.С. Воронцов, успевший к тому моменту хорошо проявить себя на полях сражений и заслужить уважение подчиненных. Начальником штаба стал М.И. Понсет.

После ухода основных сил из Франции у Воронцова остались две пехотные дивизии (12-я и 9-я), одна драгунская (в некоторых источниках она фигурирует как 3-я, в других – как сводная), пионерная рота капитана Рослякова, два донских казачьих полка (А.А. Ягодина и А.М. Гревцова) и два артиллерийских парка – 2-й и 4-й. Все подразделения непосредственно перед оккупацией входили в состав действующей армии: 9-я и 12-я пехотные дивизии находились в авангарде генерала Ермолова, а 3-я драгунская – в 3-м пехотном корпусе генерала Дохтурова. Согласно первому полумесячному отчету, поданным Воронцовым 15 декабря 1815 г. герцогу Веллингтону, корпус насчитывал 36 334 человека при 11 425 лошадях.

Третий параграф *«Материальные условия размещения корпуса»* посвящен детальному рассмотрению порядка получения военными корпусом того содержания, которое им полагалось согласно конвенции, приложенной к Парижскому мирному договору 1815 г.

Территориально зона союзной оккупации располагалась вдоль северной и северо-восточной границ Франции. Изначально зоной дислокации российского корпуса должны были стать департаменты Мёрт и Мозель, Мец, Марна и Верхняя Марна, а местом размещения штаб-квартиры – город Нанси. Затем решено было передислоцировать корпус севернее. В итоге он расположился в департаментах Нор (округа Валансьен, Камбрэ, Авен), Эна (округ Вервен) и Арденны (округа Шарлевиль-Мезьер, Ретель и Вузье).

Основную массу военнослужащих, дислоцировавшихся в городах и селениях, французская сторона была обязана обеспечить жилищем и питанием. Командование корпуса изначально стремилось разместить максимальное количество рядовых в казармах, чтобы не занимать постоем дома гражданского населения. Согласно отчету, который граф Воронцов составил для императора по итогам всего периода оккупации, в казармах проживало почти 2/3 личного состава корпуса.

Для организации продовольственных поставок командование заключало договоры с частными подрядчиками, которым затем французское правительство возмещало затраты. Это же касалось и фуража. Продовольствие для рядового состава рассчитывалось по утвержденным нормам, а поставляться должно было в натуральном виде.

Офицеры на протяжении всего периода оккупации размещались на постой в домах местных жителей. От этого были полностью освобождены лишь дома священнослужителей и сборщиков казенных податей, селиться у которых запрещалось. В каждом конкретном случае количество и качество занимаемых постояльцем комнат зависели от его офицерского чина. Суточные продовольственные нормы офицеров рассчитывались так же, как и нормы рядовых, но размер их возрастал соответственно чину: обер-офицеры получали одну, капитаны и штабс-капитаны – две, майоры – три, подполковники – четыре, полковники – пять, а генерал-майоры – семь порций ежедневно. И выдавалось содержание не в натуральной форме, а деньгами на месяц из расчета одна порция - три франка.

Непродовольственное обеспечение, в частности ремонт конского состава, покупку обмундирования, а также жалование, которое получали военнослужащие оккупационной армии, французское правительство должно было компенсировать деньгами. Кавалерийские полки годовое обеспечение лошадьми должны были получать из ремонта, состоявшего при находящихся в России резервных эскадронах тех полков. Командиры полков должны были сами покупать для своих полков подъемных лошадей.

В четвертом параграфе *«Организация военной подготовки и вспомогательных служб в корпусе»* описаны подробности повседневной службы личного состава корпуса.

Порядок службы в оккупационном корпусе носил особый характер, отличавшийся от привычного порядка, как военного, так и мирного времени. Основным занятием большинства солдат стали регулярные учения и физические упражнения. Крупные смотры с участием подразделений из разных корпусов устраивались каждый год.

Правила организации полковых учений были присланы из Петербурга. Для их изучения из каждого батальона приглашались все офицеры и по восемь рядовых от взвода, чтобы тренироваться до тех пор, пока не будет достигнут нужный результат, после чего занятия проводились уже со всем полком. Кроме того, были сделаны выписки из сухопутного устава Петра Великого. Их распечатали для каждой роты и эскадрона и обязали зачитывать нижним чинам раз-два в неделю. Помимо регулярных учений с апреля 1816 г. каждый из полков по установленной заранее очереди должен был в течение десяти дней стоять лагерем близ корпусной квартиры.

Подробные инструкции по контролю за обеспечением личного состава продовольствием содержались в приказах по корпусу. Так, приказ от 12 мая 1816 г. гласил, что каждый день в магазин, где солдаты получали продукты, должен приходиться офицер и проверять все товары. Бани, строительство которых стало предметом для дискуссий, должны были обязательно топиться раз в две недели. Казармы периодически проверялись не только на предмет возможных повреждений стен и крыши, но и на предмет чистоты.

Для лечения солдат был создан ряд госпиталей, в которых работали русские и французские медики. Разрешение хозяйственных вопросов и различные внутренние службы, в том числе и приготовление лекарств осуществлялось французскими служащими под контролем местной администрации. Французские же власти назначали и директоров госпиталей. Непосредственно же лечением и назначением лекарств занимались российские врачи.

Для повышения уровня грамотности солдат организовывались солдатские школы. К июню 1816 г. они появились в Смоленском и Нарвском полках. Их работа строилась по так называемой ланкастерской методе и представляла собой занятия в группах под руководством одного из наиболее грамотных офицеров. Занятия проводились для всех чинов, без разделения на офицеров и рядовых. Литературу для них сначала выписывали из России. Часть учебного материала печаталась в Королевской типографии в Париже. В 1817 и 1818 гг. в полковой типографии были опубликованы небольшие пособия для чтения: «Краткая метода взаимного обучения для первоначальной школы русских солдат, приспособленная равно и для детей» и «Собрание стихотворений для чтения в солдатских школах отдельного русского корпуса во Франции».

Система военного суда в корпусе полностью отвечала принятому в российской армии регламенту: у каждого полка имелась своя аудито-

риатская служба, а для контроля за ними был учрежден полевой аудитор корпус. Кроме того, у командиров бригад оставалось традиционное право упрощенного порядка судопроизводства в случае незначительных правонарушений. Наказание же по приказу командиров полков запрещалось, и применявшие его получали выговоры за самоуправство.

Особое внимание командованием уделялось почтовой службе. Приказ о ее организации вышел еще в декабре 1815 г. Доставкой корреспонденции в корпусе занимались драгуны и казаки. Право пользоваться почтовой службой имели все чины. Транспортировка корреспонденции по Европе оплачивалась из средств корпуса, а для доставки ее от российской границы до места назначения Воронцов просил начальство выделять рядовым деньги из казны, либо брать плату с получателей, чтобы солдаты могли писать домой вне зависимости от наличия у них денег.

Во второй главе «**Социокультурные аспекты оккупации**» рассмотрены примеры взаимоотношений между французской и русской стороной как на бытовом уровне, на примере контактов гражданского населения и солдат, так и на административном, между представителями гражданских властей и корпусного командования.

В первом параграфе «**Повседневные практики взаимодействия российского командования с местными властями**» проанализированы проблемы, встававшие перед представителями французской администрации и русского военного командования и требовавшие совместных решений.

Одним из главных правил, сформулированных Александром I для своих войск, стало предписание по возможности воздерживаться от насилия по отношению к мирному населению и избегать с ним конфликтов. Именно им руководствовался Воронцов, формулируя конкретные правила поведения военнослужащих вверенного ему контингента. В свою очередь французские власти также старались не дать иностранным солдатам лишнего повода прибегать к использованию оружия, но при этом максимально снизить потребление ими местных ресурсов, которые после войны были весьма ограничены.

Для лучшего взаимодействия военной и гражданской администраций при русском штабе существовала смешанная комиссия (*la commission mixte*), в которую входили комиссары – чиновники, назначавшиеся туда как центральным правительством, так и префектами.

Наиболее сложной проблемой для всех было обеспечение оккупационных войск. К окончанию Наполеоновских войн экономика Фран-

ции понесла изрядные потери. Пострадало, прежде всего, сельское хозяйство, что привело к значительному повышению цен на зерно. Из-за дефицита продовольствия обстановка оставалась напряженной даже после прекращения боевых действий и отказа от сбора реквизиций. Население то тут, то там устраивало беспорядки.

Весьма болезненным был и вопрос размещения солдат. Воронцов распорядился максимально возможное количество солдат поселить в отдельных помещениях, где они были бы отделены от гражданского населения и сами готовили бы себе пищу. По его мнению, это также способствовало бы сохранению отечественных обычаев.

Для местных властей обустройство казарм означало необходимость либо построить новое здание, либо выделить какое-то из уже существующих. Затем эти помещения укомплектовывались необходимыми спальными принадлежностями: кроватями, одеялами и прочим.

Большие проблемы создавала деятельность французских таможенных служб, часто вступавших в конфликты с военными. Чтобы избежать трений, местные власти предложили разделить бремя обязанностей: русские военнослужащие должны были помогать таможенникам, а взамен могли забрать в награду часть выявленных контрабандных товаров.

По схожим принципам в некоторых городах организовывались патрульные службы для защиты от воровства и пожаров. Муниципальные власти сообщили командованию корпуса, что горожане собираются по ночам патрулировать улицы и просили не чинить препятствий. Воронцов со своей стороны рекомендовал командирам выделять в помощь патрульным по три рядовых с унтер-офицером.

Понимая сложность экономического положения во Франции, командование корпуса строго воспрещало солдатам какое бы то ни было вмешательство в хозяйственную деятельность местных жителей: топтать поля и разорять сады, охотиться вне официально объявленных сезонов, использовать взрывчатые или ядовитые вещества при ловле рыбы.

Эффективное функционирование системы правосудия имело особое значение, поскольку любое ее спорное для одной из сторон решение могло спровоцировать конфликт. Чтобы минимизировать разногласия полковым следственным комиссиям было предписано обязательное сотрудничество с представителями местных администраций в расследовании преступлений. Суровость наказаний, которым подвергались российские солдаты, нередко удивляла даже самих французов. Взамен Воронцов требовал и от местных властей непременно гласного

наказания для французов, совершавших преступления против русских. Между тем сами местные власти нередко сквозь пальцы смотрели на правонарушения со стороны местного населения, и Воронцов нередко обвинял французскую судебную власть в пристрастности и недостойном исполнении своих обязанностей.

Отдельные происшествия на местах иллюстрируют сложности во взаимоотношениях между военными и гражданскими: с одной стороны, командование корпуса и французские чиновники обменивались любезностями и обещали блюсти взаимные интересы, с другой – командиры среднего звена и местные власти были настроены более приземленно и смотрели друг на друга с большей настороженностью.

Параграф второй *«Взаимоотношения местных жителей и русских военнослужащих»* посвящен рассмотрению отдельных примеров взаимоотношений гражданского населения с военными.

Для основной массы российских чинов на протяжении всего периода оккупации наибольшее значение имели две психологические проблемы: адаптация к мирному времени после многолетних военных действий и адаптация к чужому культурно-языковому пространству.

Кроме того, как для русских, так и для французов формальное окончание войны означало еще и достаточно быструю смену приоритетов, к тому же определявшуюся не собственными убеждениями, а распоряжением властей. К счастью, недавнее и ожесточенное противоборство не привело к возникновению у французов и русских глубокой ненависти друг к другу. Отчеты офицеров и местных властей о правонарушениях, совершавшихся как солдатами, так и гражданскими, не создают ощущения существования межнациональных противоречий. В основном причиной конфликтов были бытовые проблемы.

Проблемы и разногласия, связанные с обеспечением корпуса, касались либо тех жителей, которые принимали солдат в своих домах, либо тех, кто в качестве подрядчика заключал договор на поставку каких-либо товаров. Отношения с подрядчиками складывались весьма сложно. Продовольствие порой поставлялось очень плохого качества, либо с большим опозданием, из-за чего военные периодически требовали положенное им у жителей селений.

Конфликты солдат с таможенными служащими были связаны с двумя основными причинами. С одной стороны, провоз контрабанды действительно был одним из самых распространенных правонарушений со стороны солдат. С другой стороны, конфликты нередко возникали из-за взаимного непонимания между таможенниками и военными. Иногда обвиненные в контрабанде оправдывались тем, что не по-

няли требований таможни. И так происходило не только с нижними чинами. Иногда военных просто раздражала дотошность и бесцеремонность французских служащих таможни.

Французская пресса, особенно региональная, следуя общей стратегии поддержания мирных отношений между населением и солдатами оккупационной армии, проявляла заметную сдержанность в подаче информации обо всём, связанном с оккупационными силами.

Несмотря на то, что для местного населения пребывание оккупационных войск было сопряжено, прежде всего, с финансовой нагрузкой, это не мешало ему пытаться извлечь для себя выгоду из сложившейся ситуации. Правда, военные мало чего могли предложить местному населению, но зато у них были лошади, которых во многих деревнях не хватало для сельскохозяйственных работ. И некоторые особо предприимчивые командиры пехотных полков продавали часть лошадей населению, не снимая их с довольствия, чтобы продолжать получать на них фураж.

При чрезвычайных ситуациях солдаты нередко оказывали помощь в спасении оказавшихся в опасности французских граждан. С другой стороны, встречаются в документах и примеры сообщничества русских и французов в противоправных действиях.

Возникавшие конфликтные ситуации оккупационное командование и местные власти старались решать мирно, убеждая военнослужащих и гражданское население подавать официальные жалобы. Жители поначалу обращались к русским командирам с опаской, однако в дальнейшем стали все более активно выражать свое недовольство через подачу официальных жалоб, поводов для которых было немало: солдаты не хотели пользоваться казармами, хотя устройство таковых потребовало немалых ресурсов от коммуны или города, рвали ягоды в садах, а офицеры делали значительные долги. Между тем среди военнослужащих оккупационных войск практика подачи жалоб на местных жителей была распространена в меньше. Чаще солдаты либо мстили за обиду самостоятельно, либо и вовсе отмалчивались.

В ряде случаев конфликты выливались в насильственные действия: местные жители нападали на солдат с оружием или подручными средствами, вступали с ними в драки. Впрочем, такие столкновения носили преимущественно бытовой характер при небольшом количестве участников.

Со стороны солдат открытое насилие также имело место. Однако строгость, с которой командование корпуса наказывало солдат за применение силы в местному населению, приносила свои плоды: случаи

открытого насилия по отношению к гражданским становились все реже, а если и случались, то в основном были связаны со злоупотреблением алкоголем.

В третьей главе *«Проблема дисциплины в корпусе и пути ее решения»* рассмотрено влияние на дисциплину в корпусе обстановки на оккупированной территории.

Первый параграф *«Влияние оккупации на русский корпус с точки зрения современников и потомков»* посвящен мнениям, высказывавшимся как современниками описываемых событий, так и исследователями о том, как обстановка во Франции должна была повлиять на образ мыслей русских солдат.

Во втором параграфе *«Статистика правонарушений русских военнослужащих»* рассмотрено количество противоправных действий со стороны русских военнослужащих, зафиксированных в документах военно-полевого аудиториата. Всего нам удалось выявить 125 правонарушений, которыми занимались аудиториат корпуса или аудиториаты полков. В число этих правонарушений не входят случаи дезертирства, которые, согласно приказу командира корпуса, рассматривались отдельно от остальных преступлений и о которых он сам доложил в итоговом отчете императору по окончании оккупации.

В результате анализа указанных документов мы имеем следующую картину. Обвинений в воровстве (в том числе и с недоказанной виной) было выдвинуто 28, в контрабанде – 10, в грабеже с применением насилия – 6, в убийствах и французов, и русских – 8, в неуставном обращении к старшему по званию – 10, в ослушании (невыполнении или плохом выполнении приказа) – 9, в пьянстве – 8, в написании фальшивок – 4, в драках с французами – 14, в драках с сослуживцами – 2, в сексуальном насилии – 1. Кроме того, 2 дела были возбуждены из-за нападений французов на русских солдат. Виновных в 4 убийства как военных, так и гражданских лиц найти не удалось. И наконец, зафиксировано 18 самоубийств.

Второй параграф *«Дезертирство и другие преступления со стороны воинских чинов»* посвящен анализу отдельных фактов и причин правонарушений со стороны военнослужащих.

Согласно докладу М.С. Воронцова императору Александру I, из корпуса за три года оккупации сбежали или предприняли попытку сбежать 319 человек. Фактически это число не превышает 1% личного состава корпуса, который на протяжении всего периода оккупации насчитывал в среднем около 30 тысяч человек.

О причинах дезертирства писал в своих воспоминаниях генерал Отрошенко: «[Некоторые военнослужащие] ознакомившиеся с француженками и подружившиеся с своими хозяевами, которые отлично их продовольствовали, <...> дезертировали из полков, <...> когда же хозяева стали их понуждать к работе, то многие дезертиры возвратились к своим полкам». В российских официальных документах, действительно, можно встретить упоминания о подобных случаях. Устраивались побеги и арестантами. Такие случаи были немногочисленными, однако они бежали сразу по несколько человек.

Воронцов борьбе с дезертирством придавал особое значение. Для их поимки командование корпуса координировало свои действия и с местной администрацией, и с союзными войсками. Согласно вышеупомянутому отчету императору, были пойманы 167 дезертиров, то есть более 50% от их общего числа.

Дезертирство в корпусе было во многом следствием противоречий между старшими и младшими чинами, которые также имели место на протяжении всей оккупации. Причем практически каждый подобный конфликт в своей основе имел применение силы старшими чинами к младшим либо за неподобающее, по их мнению, поведение, либо за плохое выполнение обязанностей.

Проблема воровства и других форм незаконного изъятия имущества у мирного населения стояла не менее остро. Воровали солдаты в основном личные ценности, одежду и еду, избегая при этом применения насилия.

В четвертом параграфе «*Самоубийства военнослужащих*» рассмотрены факты и причины самоубийств в корпусе, описанные в документах следственных комиссий. За три года оккупации среди личного состава корпуса было зафиксировано 18 самоубийств, то есть один случай самоубийства приходится примерно на 41 смерть.

Случаи суицида в корпусе Воронцова можно, правда со значительными оговорками, разделить на три группы. Первая включает в себя происшествия, в которых назначенным вести следствие офицерам не удалось обнаружить очевидной причины и предположили душевные расстройства у самоубийц. Ко второй группе можно отнести происшествия, объяснения которым нет. В третью группу входят инциденты, связанные с конфликтами между военнослужащими и их командирами, информация о которых дошла до сведения командования, была озвучена на суде и соответственно официально зафиксирована.

В **Заключении** сформулированы основные выводы. В контексте противоборства Российской империи и империи Наполеона оккупация

Франции 1815–1818 гг. представляет научный и общественный интерес по целому ряду причин. Во-первых, в силу своего правового оформления. Именно правовой режим пребывания иностранных войск во Франции 1815–1818 гг. стал одним из таких прецедентов при оформлении ряда международных норм ведения войны. Вместе с тем оккупационные режимы XX в., установленные уже после того, как эти нормы были приняты международным сообществом, заметно отличались от режима 1815–1818 гг. по многим формальным критериям.

Во-вторых, пребывание иностранных войск в пост-наполеоновской Франции дало весьма специфический пример военной организации. Несмотря на то, что это соединение не выполняло непосредственных боевых задач, не участвовало в сражениях, не охраняло государственных границ, оно находилось в повышенной боевой готовности на протяжении всего периода оккупации. Солдаты корпуса должны были постоянно поддерживать высокий уровень боевой выучки, для чего постоянно проводились учения и смотры. Строгий контроль за интендантской частью и госпиталями обеспечивал необходимое физическое и моральное здоровье солдат. И все это осуществлялось на территории, где проживало гражданское население другой страны.

В-третьих, история русского оккупационного корпуса дает пример удачной социальной адаптации большого военного контингента к принципиально новым, непривычным условиям в кратчайший период времени. Несмотря на то, что российское дворянство в течение предыдущего столетия активно перенимало европейские привычки, для основной массы российских солдат языки и культурные традиции населения Западной Европы были абсолютно чужды. То же самое можно сказать и о знакомстве рядовых французов с обычаями и поведенческими практиками русских. Тем не менее, анализ правонарушений военнослужащих корпуса показывает, что его командованию в целом удалось успешно решить задачу адаптации личного состава к непривычным для него условиям иной культурной среды.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Статьи, опубликованные в журналах из Перечня ВАК Мннобрнауки РФ или индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus:

1. Пруцакова В.С. Источники по истории русского Отдельного оккупационного корпуса во Франции 1815–1818 гг.: обзор фондов

РГАДА // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2014. – Т. 5. – Выпуск 9 (32) [Электронный ресурс].

URL: <https://history.jes.su/s207987840000875-1-1/> (дата обращения: 22.05.2021).

2. Пруцакова В.С. Русские во Франции 1814–1818 гг.: стереотипы и факты (историографические заметки) // Французский ежегодник. 2015. Т. 48. С. 431–438.

3. Болт В.С. Дезертирство из русского оккупационного корпуса во Франции 1815–1818 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 1 (160). С. 177–185.

4. Болт В.С. Способы разрешения конфликтов между французами и военнослужащими русского оккупационного корпуса 1815–1818 гг. // Французский ежегодник. 2018. Т. 51. С. 205–217.

5. Болт В.С. Правовые аспекты оккупационного режима во Франции 1815–1818 гг. На примере русского корпуса // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Т. 9. – Выпуск 10 (74) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002427-8-1/> (дата обращения: 22.05.2021). DOI: 10.18254/S0002427-8-1

6. Болт В.С. Самоубийства в корпусе Воронцова во Франции 1815–1818 гг.: примеры и причины // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2020. – Т. 11. – Выпуск 4 (90) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840009231-3-1/> (дата обращения: 22.05.2021). DOI: 10.18254/S207987840009231-3

7. Болт В.С. Конфликты между французским населением и военнослужащими русского оккупационного корпуса в 1815–1818 гг. // Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. М. С. 185–195.

В других научных академических изданиях:

8. Пруцакова В.С. Русский оккупационный корпус во Франции 1815–1818 гг.: агрессоры или жертвы обстоятельств? // Вопросы всеобщей истории. 2014. № 16. С. 225-234.

9. Болт В.С. Корпус М. С. Воронцова на страницах региональной французской прессы 1815–1818 // Запад, Восток и Россия: Историческая память: генезис и проблемы преемственности: Вопросы всеобщей истории: сборник научных и учебно-методических трудов: ежегодник / Уральский государственный педагогический университет; под ред. В.Н. Земцова. – Екатеринбург: [б. и.], 2020. – Вып. 23. С. 24-30.